Владимир Кунин

Чокнутые

ФТМ

Владимир Владимирович Кунин
Чокнутые

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63490293
Чокнутые: ФТМ; Москва; 2020
ISBN 9785446735099

Аннотация

Австрийский инженер Отто фон Герстнер отправляется в Россию, чтобы представить императору Николаю I амбициозный проект первых железных дорог. По пути в Москву к Герстнеру присоединяются отставной корнет Кирюхин, силач Федор Пиранделло с козой Фросей, сотрудник жандармского отделения Тихон Зайцев и таинственная девушка Маша. Министры во главе с князем Меншиковым пытаются сорвать планы авантюристов. Но как бороться с людьми, поведение которых не поддается элементарной логике?

Владимир Кунин
Чокнутые

© Текст. В. В. Кунин, наследники, 2020
© Агентство ФТМ, Лтд., 2020

⁂

В тридцатых годах прошлого столетия в Вене, рядом с собором Святого Стефана, существовал польский кабачок «Корчма Краковская».

Было раннее-раннее утро. У входа в еще закрытый кабачок стоял снаряженный к дальнему путешествию фиакр. На козлах дремал кучер.

Внутри кабачка, по обе стороны буфетной стойки, со стаканами в руках стояли Адам Ципровски – шестидесятилетний хозяин «Корчмы Краковской» и сорокалетний Отто Франц фон Герстнер в дорожном костюме. Он прихлебывал вино и говорил Адаму:

– Я отказался от места профессора в Праге, Адам… Я объездил Англию, Швейцарию, Францию, Бельгию и понял, что по-настоящему как инженер я смогу реализовать себя только в России! В стране, где есть спасительное самодержавие, а не наша слюнтяйская западная парламентская система… И если я представлю русскому императору проект же-

лезных дорог, соединяющих Черное море с Каспийским, а Балтийское с Белым, – у него голова закружится от счастья! Только в России талантливый иностранец может добиться свободы творчества, славы и денег! Прозит!

Герстнер приподнял стакан.

– Прозит! – Ципровски тоже поднял стакан. – Может быть, вы и правы. Но жить в чужой стране… Я – поляк, проживающий в Австрии. Я десять лет прослужил во французской армии. Я не погиб под Смоленском и умудрился остаться в живых при Бородино. Я восемь лет прожил в русском плену! У меня до сих пор есть одно маленькое дельце в России, с которого я по сей день имею небольшой дивиденд. За тот год, что я занимался с вами русским языком, я очень привязался к вам, и мне было бы жалко…

– Я тоже искренне полюбил вас, Адам. Но в Австрии меня ничто не удерживает. Я ведь даже не австриец Отто Франц фон и так далее. Я чех. Антонин Франтишек.

– Господин Герстнер! По тому, как вы быстро усвоили русский язык, я это понял еще полгода назад. Тем более что я тоже не очень-то Адам Ципровски. Уж если говорить честно, то я скорее Арон Циперович. Но вы же понимаете, в какое время и в какой стране мы живем… – Циперович посмотрел на часы: – Идемте, мне скоро открывать заведение. И вам пора уже ехать, безумный вы человек…

Хромая, Циперович повел Герстнера к выходу. У фиакра сказал:

– Учтите, Антонин, там вам будет очень нелегко. Россия – страна бесконечных и бесполезных формальностей.

– Не пугайте меня, Арон. Эта поездка должна стать делом всей моей оставшейся жизни. Прощайте!

– Да поможет вам Бог, – печально проговорил Арон.

Как только запыленный фиакр Герстнера пересек русскую границу, он тут же некрасиво и неловко заскакал по выбоинам и ухабам. Изящная конструкция экипажа угрожающе трещала при каждом подскоке, и когда потрясенные австрийские лошади встали, произошло маленькое чудо: что-то в фиакре лопнуло с томительным стоном, и он, уже стоявший без движения, развалился на мельчайшие части, погребая под своими обломками Герстнера, его багаж и берейтора со щегольским шамберьером!

А из слухового чердачного окна постоялого двора за всем этим наблюдал в подзорную трубу тайный агент Третьего жандармского отделения Тихон Зайцев…

⁂

В Петербурге, на Крестовском острове, в загородной резиденции князя Меншикова шло экстренное совещание.

– Я пригласил вас, господа, чтобы сообщить вам пренеприятное известие, – сказал светлейший князь Меншиков собравшимся у него в кабинете князю Воронцову-Дашкову

и графам Бутурлину, Татищеву и Потоцкому. – Один из наших компаньонов, тайно сотрудничающий с Третьим отделением…

Тут светлейший углядел, как Воронцов-Дашков поморщился.

– Не извольте морщиться, князюшка! И почитайте за благо, что мы сегодня имеем информацию, которая завтра бы могла свалиться нам как снег на голову!.. Так вот, граф Бенкендорф получил шифровку из Вены: к нам едет австрийский инженер Отто Франц фон Герстнер. Он же чех Антонин Франтишек. Без всякого «фон», фамилия та же. Он намерен представить государю проект устройства в России железных дорог и передвижения по оным при помощи паровых машин.

– Кошмар! – Все, кроме Потоцкого, были потрясены сообщением.

– Александр Христофорович, правда, распорядился установить за ним неусыпное наблюдение, но, как вы понимаете, из соображений чисто политических. Мы же со своей стороны…

– А нам-то что? – беззаботно удивился Потоцкий.

– Нам?! – возмутился Меншиков. – Да наше с вами акционерное общество почтовых колясок и дилижансов имеет от извозного промысла более ста миллионов рублей в год! И железные дороги Герстнера попросту лишат нас этого дохода! Это вы можете понять, граф?!

– Если разорятся владельцы постоялых дворов – с кого вы

будете получать отчисления? – спросил Бутурлин.

– Боже мой… Погибнут мои конные заводы!.. Овес и сено катастрофически упадут в цене… – вздохнул Воронцов-Дашков.

– Да что там овес! Вылетят в трубу все придорожные питейные заведения! Трезвость станет нормой жизни, и мы только на этом потеряем миллионов пятьдесят!.. – ужаснулся Татищев. – А его величество так падок до всяких новшеств!

– Австрийца нельзя допускать до государя ни в коем случае! – вскричал Татищев.

– Правильно! – сказал светлейший. – Мы должны купить Герстнера. Купить и отправить его с полдороги обратно в Австрию с деньгами, ради которых он наверняка и прибыл в Россию! Это единственный способ сохранить доходы нашего акционерного общества. Так что придется раскошеливаться, господа!

– Я готов. – Потоцкий выложил на стол банкнот.

– Что это? – брезгливо спросил светлейший.

– Сто рублей!

– Щедрость графа не уступает его уму, – заметил Татищев.

– Сто тысяч надо собрать!!! – заорал Меншиков на Потоцкого. – И эти деньги Герстнеру повезете вы, граф! Сегодня же! Сейчас же!.. Вы помчитесь ему навстречу, вручите ему деньги и объявите наши условия! И проследите за его возвращением!..

Застряла пролетка Герстнера в непролазной грязи. Да не одна, десятка полтора – и телеги с грузами, и коляски, и дилижансы… Крики, ругань, ржание лошадей! Где мужик? Где барин?..

По колено в грязи, Герстнеру помогает толкать пролетку молодой человек очень даже приятной наружности.

– Эй, как тебя?! Погоняй, сукин кот! Заснул? – кричит он кучеру и командует Герстнеру: – Поднавались!.. Не имею чести…

– Отто Франц Герстнер. Инженер… – задыхается Герстнер.

Молодой человек, по уши в грязи, хрипит от натуги:

– Отставной корнет Кирюхин Родион Иванович.

– Очень приятно… – любезно сипит грязный Герстнер.

⁂

Упрямо ползет пролетка по раскисшей колее. А внутри с босыми ногами сидят Герстнер и Родион Иванович – отогреваются при помощи дорожного штофа.

Герстнер распаковал баул, показывает Родиону Ивановичу изображения паровоза Стефенсона, чертежи вагонов, профили железных шин, по которым все это должно двигаться.

Родион Иванович в восторге.

– Боже мой! Антон Францевич! Да я всю жизнь мечтал о таком деле! Да я из кожи вылезу!.. Наизнанку вывернусь!.. Это же грандиозная идея!!!

Схватил двумя руками гравюру с паровозом, впился в Герстнера горящим глазом, сказал торжественно, словно присягу принял:

– Вы без меня, Антон Францевич, здесь пропадете. А я клянусь вам служить верой и правдой во благо России-матушки, для ее процветания и прогресса.

Истово перекрестился и поцеловал гравюру будто икону…

Карета графа Потоцкого с лакеем на запятках катила по дороге.

В карете граф открыл ларец, оглядел толстую пачку ассигнаций в сто тысяч рублей, вынул из ларца добрую треть и спрятал ее в задний карман камзола…

Уютно закопавшись в придорожный стог, Тихон Зайцев проследил за пролеткой Герстнера и Кирюхина в подзорную трубу, вынул бумагу, чернильницу, гусиные перья и стал писать донесение: «Сикретно; его сиятельству графу Александру Христофоровичу Бенкендорфу. Сего дни, апреля девятого числа в екипаж господина Герстнера поместился отставной корнет Кирюхин Родион сын Иванов двадцати шести лет от роду. По части благонадежности упомянутого Кирюхи-

на…»

⁂

Герстнер и Родион Иванович обедали в придорожном трактире.

Неподалеку, за угловым столиком, Тихон хлебал щи, слушал.

– Шестнадцатилетний корнет… Мальчишеский восторг! Подъем чувств! – говорил Родион Иванович. – «Души прекрасные порывы…» Долой! Ура!.. «Свобода нас встретит радостно у входа…»

– О, вы поэт, – вежливо заметил Герстнер.

– Это не я. А как начали вешать за эту «свободу», как погнали в тюрьмы да в Сибирь… До смерти перепугался! Счастье, что меня тогда по малолетству не сослали, не вздернули. И понял я – кого «долой»? Какая «свобода»? Сиди и не чирикай. Разве в этом государстве можно что-нибудь… Да оно тебя, как клопа, по стенке размажет!..

– Ах, Родион Иванович…

– Просто Родик.

– Ах, Родик! Как я вам сочувствую!

Но Родик успокоительно подмигнул ему:

– Отдышался, огляделся… Батюшки! А ведь государство тоже не без слабостей!.. И оказалось, что если эти слабости обратить в свою маленькую пользу – и у нас можно жить

очень припеваючи!

– Чем же вы сейчас занимаетесь, Родик? – спросил Герстнер.

– Путешествую, как видите. Скупаю мертвые души, исключительно для положения в обществе. Чтобы иметь достойное реноме. Изредка в провинции принимают за ревизора… Время от времени представляюсь внебрачным сыном великого полководца Голенищева-Кутузова… Сюжеты из собственной жизни за умеренную плату уступаю многим литераторам. Посредничаю… Но все в пределах правил. В рамках государственных законов, кои необходимо знать досконально!

⁂

К трактиру подкатила карета Потоцкого. Граф вышел из кареты, прижимая ларец к толстенькому животику. Навстречу богатому господину выскочил трактирщик. Граф что-то спросил у него. Трактирщик сразу провел его внутрь заведения и указал на столик Герстнера и Родика. Зайцев насторожился, вытянул шею…

Карета ждала Потоцкого у самых дверей трактира. Лакей услужливо держал дверцу кареты распахнутой.

И тогда раздался голос секретного агента Тихона Зайцева:

«Секретно. Его высокопревосходительству

графу Александру Христофоровичу Бенкендорфу. Настоящим имею сообщить, что в пути господина Герстнера посетили их сиятельство граф Потоцкий. Имели непродолжительную беседу. В суть оной беседы проникнуть не удалось, кроме как наблюдал проводы их сиятельства…»

С треском распахнулись трактирные двери, и Потоцкий, вместе с ларцом, по воздуху влетел из трактира прямо в собственную карету с такой силой, что пролетел ее насквозь и выпал на проезжий тракт через противоположную дверцу.

Встал, отряхнулся, и как ни в чем не бывало светски раскланялся с проезжавшей мимо дамой. Потом влез в карету и крикнул:

– Трогай!

В карете граф вытащил из заднего кармана заначку тысяч в тридцать и с великим сожалением вернул ее в ларец…

Дорогу пересекала быстрая неширокая речушка. Через нее было перекинуто некое строение, напоминающее мост. На берегу у моста стоял шалаш. У шалаша человек могучего телосложения доил грязную козу диковатого вида. Рядом лежали два мельничных жернова, соединенные длинным железным ломом.

Но вот гигант услышал скрип колес, чавканье лошадиных копыт, вскрикивание ямщика и сказал козе:

– Вот, Фрося, и наш рупь едет. Надо размяться.

Он встал, присел пару раз, легко выжал над головой чудовищную штангу из жерновов и отхлебнул козьего молока.

Из-за поворота показалась пролетка Герстнера и Родика. У моста ямщик осадил лошадей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.